

И ПЕСНИ, И СТИХИ, И ПАМЯТИ СТРАНИЦЫ...

В начале весны несколько воронежских библиотек обратились ко мне с предложениями о проведении вечеров памяти поэта Владимира Шуваева. Размышляя над сценариями предстоящих встреч или возможной телепередачи о поэте и людях, связанных с ним и его творчеством и продолжающих поэтическую судьбу Владимира, я принялся перечитывать свои черновики, перебирать вырезки из газет и журналов, слушать записанную нами с Сергеем Сыноровым аудиокнигу Владимира Шуваева. Дневниковые страницы того мартовского дня с выбранными цитатами из газетно-журнальной периодики сегодня читаю вновь в связи с юбилеем друга.

...В 2021-м Шуваеву исполнилось 75 лет. Его жене Наде в 2020-м было семьдесят. Оба ушли. Он в 2014-м, она — спустя четыре года. Думая о них, вспоминаю наши последние встречи. С ним — с медколледже, где он читал свои новые стихи. С Надей — в хосписе, в Стрелице. Там она лежала, умирая. В приближающийся конец не верила, как и все, надеясь до последнего на чудо. Помню, услышав по радио о начавшемся бардовском фестивале, стала уговаривать поехать туда и передать привет Ире Ким — исполнительнице целого цикла песен на стихи Володи. «Передай ей, что я ее люблю и ценю очень, — говорила Надя. — Что она подарила его строчкам ощущение полета и трепета своей души. Необыкновенной. Скажи ей это перед ее выступлением. И что я мысленно с нею. Как только вернусь домой, встретимся и обо всем поговорим... Попоем...»

До фестиваля я не добрался: не смог. Позвонил Ире и передал Надины слова. Договорились при первой же возможности вместе поехать в Стрелицу... Не успели...

Как иллюстрацию к тем дням нахожу заметки о бардовском слете последнего для Нади лета — фестивале, на котором она хотела побывать, чтобы услышать стихи мужа, положенные на музыку своей новой талантливейшей подругой:

«...Начало жаркого солнечного дня. Ощущение предстоящего необыкновенного и в чем-то непредсказуемого события. Людской гомон на берегу Воронежского водохранилища. Детские крики, беготня и возня. Звуки гитар. Разрастающиеся по округе разноцветные палатки. Копытающиеся вокруг них «робинзоны» и «пятницы». Появляющиеся там и сям плакаты с названиями разных городов и стран, районных центров области. Полевая кухня. Возведенные сцены с микрофонами и усилителями. Около них хлопоты ответственных за технику, за списки участвующих в конкурсах и концертах, за предстоящий песенный праздник, имя которому — «Парус надежды». Проходит он уже более 20 лет. Днем смотры, встречи, суета. Вечером и ночью — концертные выступления. Песни у палаток и костров. Огни фонариков. Мельтешение насекомых. Звездное небо... С утра щелбетины птиц. И снова песни и стихи... Три дня веселья, братаний, обмена впечатлениями, несмолкаемые разговоры, споры, воспоминания и новые знакомства, туристическая концертная жизнь с песнями под гитару, на природе, под «Парусом надежды»...»

Читая, в который раз ловлю себя на мысли, что правильно, просто и в то же время символично назвали свои фестивали авторской песни воронежцы — «Рамонский родник» и «Парус надежды», призывающие к утолению жажды, очищению и творческим устремлениям души с парусом, помогающим взлететь к мечте вместе с друзьями, приезжающими на фестивали, ставшие «давно международными и объединяющими вокруг себя самых разных поклонников поэзии и музыки — как начинающих, только пробующих себя в этом удивительном бардовском жанре, так и уже известных в песенных кругах, маститых, становившихся лауреатами и призерами всевозможных конкурсов, проводящихся в России и некоторых республиках бывшего Советского Союза...»

Погружаясь в текст, ищу упоминания имен основателей бардовского движения (неоднократно нами с Володей вспоминаемых и обсуждаемых), возникшего в послевоенное время, когда страна, едва восстановившись от колоссальных разрушений и миллионных человеческих потерь, причиненных «цивилизованной» (фашистской) Европой, взялась за гитары и запела о вечных, волнующих всех любви и дружбе, мечтах и надеждах, радостях и бедах, сомнениях, разочарованиях, отчаянии... и опять надеждах. Обо всем том, что сопровождало человека с момента осознания себя ЧЕЛОВЕКОМ. И нахожу вместе с фотографией молодого Владимира Шуваева с гитарой в руках следующее:

«...Высокий поэтический уровень (не только лирический, но и гражданский, философский) в лучших своих песнях задали Владимир Высоцкий и Новелла Матвеева, Булат Окуджава и Евгений Клячкин, Евгений Бачурин и Юлий Ким, Александр Галич и Михаил Ножкин, Александр Дольский, Юрий Визбор, Вадим Егоров, Александр Розенбаум... Появились и замечательные исполнители, обращающиеся к стихотворениям других поэтов и создающие силой своего таланта произведения проникновенные и незабываемые: Елена Камбурова, Жанна Бичевская, Сергей и Татьяна Никитины, Александр Хочинский, Николай Губенко, Валерий Золотухин, Дмитрий Межевич, Владимир Качан... Все они по праву также считались авторами песен, поскольку, обладая тонким вкусом, являли на свет композиции самобытные и уникальные...»

Упоминание Хочинского, Межевича и Губенко особенно отрадно. Мы с Володей бывали на их выступлениях и с ними общались. В последние годы наши сошедшие с ума на антисоветизме, обуржуазившиеся и продажные, подловатые СМИ о них почти ничего не говорили. Как не говорили и о Новелле Матвеевой, Евгении Бачурине, Людмиле Тумановой, Елене Фроловой, Вете Ножкиной, Елене Касьян... У меня на столе среди книг — губенковский сборник «Театр абсурда. Во что превратили Россию». Публицистика острая, отчаянная, состоящая из интервью Николая Николаевича разных лет — 90-х и 2000-х. Книга Губенко — рядом с шу-

Владимир и Надежда Шуваевы

ваевской, один из экземпляров которой я передал как-то на «Таганку» Николаю Губенко и Жанне Болотовой через Ирину Ким, отправлявшуюся на Всероссийский конкурс «Виват, таланты!» в Москву. Конкурс был огромный. Более 800 участников в разных номинациях. В «Авторской песне» победила Ким с «Женщиной на берегу» на стихи Шуваева, растрогал и восхитил своим пением выдавшее всякое столичное жюри... С Жанной Болотовой и Николаем Губенко установился с того времени человеческий контакт. А из статей об Ирине конкурсного периода, где она исполняла серию шуваевских стихов, положенных ею на музыку, хочется привести мнение московских специалистов-искусствоведов:

«Среди участников и даже некоторых лауреатов бардовских фестивалей, конкурсов и концертов нередко видишь, как одни исполнители демонстрируют большей частью лишь владение музыкальным инструментом, другие — вокальные данные при далеко не совершенном поэтическом материале. А главное, не умеют достичь в своем вербальном творчестве или исполнении необходимого Смысла и Сверхзадачи, по-настоящему глубокого, волнующего содержания, запоминающегося эмоционального впечатления, и значит — поднять песню до уровня искусства. В отличие от них, воронежская исполнительница Ирина Ким, заявившая о себе на сценах таких фестивалей как «Белое солнце пустыни», «Ковчег», «Парус Надежды», «Рамонский родник» (и ставшая там победителем в номинациях «Исполнитель» и «Автор музыки»), поражает тем, что может не только убедительно «показать» песню, выбрав для нее превосходную литературную основу, но и как никто «прочувствовать» многообразие ее тончайших оттенков, со всей щедростью душевного переживания — вдохновенно и пронзительно...

Всякий раз, одухотворяя свое песенное обращение, окрыляет она поэзию только что рожденной эмоцией — абсолютно искренней и проникновенной, точным интонационным «прочтением», подтекстом и Высоким Смыслом. Ее выступления приглашают к откровенному разговору по душам, которого так не хватает нам сегодня (как, впрочем, не хватало во все времена), и воспринимаются как глоток чистого воздуха, приносящего ощущение полнокровной жизни, то сказочно-причудливой, то вполне реальной — с радостями и печалью, разочарованиями и надеждами — и всегда сопровождающейся счастьем встречи с истинным гармоничным искусством...»

Сегодня уже многие осознают: авторская песня, исполняемая на русском языке, и качественная социально ответственная поэзия представляют собой чуть ли не рубеж обороны национальной культуры, на которую активно наступает культура иноязычная, чужеродная, со своими «ценностями», навязываемыми довольно агрессивно и изощренно через кинематограф, телевидение, интернет, литературу, эстраду, экономику, геополитику, трактовки истории... Вот тут и нужны среди других необходимых мер фестивали авторской и народной песни, просеивающие золотоискательским способом всяческий «песок», находящие в нем достойные внимания дарования и говорящие о том, что наша потребность обращения к национальным истокам, к счастью сохраняется несмотря ни на что, как сохраняется и стремление людей, на одном языке говорящих, к своему объединению и сотворчеству.

Несколько авторских композиций Ирины Ким на шуваевские стихотворения поразили многих на вечере памяти поэта в 2016 году, когда отмечалось 70-летие со дня его рождения. Растроганная до слез вдова Надежда Витальевна Шуваева высказалась о своих впечатлениях такими словами:

«Ира для меня заново открыла какие-то Володиные стихи. Они обрели крылья, поднимающие их вверх, в небо... Мы много говорим о человеческой душе, но объяснить толком словами, что имеем в виду, не всегда получается. Сегодня звучащую и поющую ДУШУ я ощутила в полной мере. Она была осязаема и наполняла собою слова поэзии, наизусть знакомой мне, каким-то проникновенным, одухотворяющим трепетом и парила между нами и над нами — зрителями, — завладев нашими чувствами и мыслями, разбередив память и что-то находящееся внутри нас — светлое, радостное и благодарное... Я потрясена этим исполнением Володиных стихов. Ничего подобного я не слышала, но знаю, что хочу слушать еще и еще...»

Многие помнят, как Окуджава в начале 90-х, во время распада страны, всеобщего отчаяния и крушения идеалов, высказался по поводу авторской песни: «Теперь я особенно не раздумываю о ней: по моему мнению, сегодня ее больше нет. Есть массовое явление, потерявшее главные привлекательные черты, сделавшие ее в свое время “властителем дум” очень многих людей. Сейчас все играют на гитарах, пишут стихи (в большинстве своем плохие), поют их. Публика уже привыкла к человеку с гитарой. И каждый, кто берет в руки гитару, называется бардом, и название это тоже нравится. Ко всему этому я лично не испытываю интереса. Считаю — жанр умер. Он оставил по себе добрую память, оставил имена и творчество нескольких истинных поэтов; как это всегда бывает, слабое ушло, сильное осталось, ну, и надо ценить и помнить то, что родилось и существовало в рамках данного жанра...»

«С мэтром, при всем уважении к нему, невозможно согласиться, — заметил в одной из своих статей московский культуролог Владислав Александров. — Пока существуют язык и люди, на нем общающиеся и пытающиеся высказываться поэтически и музыкально, авторская песня умереть не может. Она продолжает существовать и пленять нас талантами отдельных неповторимых Личностей — избранных, штучных, наделенных редкостным даром устремлять свои песни в Вечность. Одной из них, конечно же, является Ирина Ким, слушать которую и видеть хочется вновь и вновь».

С мнением профессора-искусствоведа я солидарен абсолютно, но когда думаю над словами Окуджавы, то понимаю, что он имел в виду собственную неудовлетворенность качеством современной поэзии, в том числе и песенной, как ему представлялось, деградирующей вместе со всей страной. И.А. Бунин нередко повторял фразу: «Доморощенный философ сродни идиоту». Поскольку поэзию называют «философией в рифмах», то бунинские слова можно отнести и к поэтам, и к

бардам, заиклившимся на себе и не понимающим иногда, что такое хорошо, а что не очень или вообще плохо. А ведь образцы и существуют, чтобы сверять с ними свои опыты, свои ощущения и достижения. Одним из них в определенной мере может являться творчество Владимира Шуваева — его лирика и песни, написанные на Володины стихи. Тому яркое подтверждение — песенные композиции Ирины Ким...

В заключение — несколько шуваевских «реплик», коротких стихотворений, как мне кажется, здесь вполне уместных и даже необходимых, предлагающих подумать о «Вечности», Смысле творчества, нашей сегодняшней жизни и об ответственности художника перед самим собой, окружающими его и внимающими ему людьми.

Владимир МЕЖЕВИТИН

МОЛЧАНИЕ

По костям, по коврам,
Не смолкая и на полчаса,
Горлопанами злыми
По божьим дорогам идем...
А под занавес жизни
Глядим и глядим в небеса,
Всю-то жизнь прокричали —
Кому? И о чем? Не пойдем.

Я могу не печататься
Более тысячи лет.
Мне немая душа
Еще ближе, чем громкий язык.
Мне всегда был дороже
Беззвучно-сияющий свет,
Чем вонзенный в пространство,
Пустой человеческий крик...

Вон вечерняя птица
Скользит над прибрежным песком,
Где ночной тишины
Разливается призрачный сад.
Помолчать бы лет двести,
Забыв обо всем, обо всем.
Как прибрежные камни,
Как кости, как звезды
Молчат...

ВНЕЗАПНЫЙ ОТПУСК

Я устану от всех...
Я забуду про всех.
В резкий отпуск уйду навсегда...
Все отдам до конца: и чины, и успех,
Чтоб у сердца струилась вода...

Чтобы снова вдохнуть —
Эту светлую глушь,
Эту полупропитую жизнь,
Где непроданным счастьем
Так тянет от душ,
И так голос — от чувства
Дрожит...

ИТОГИ

Нет! Не триумфом, не милостью,
Властью погон и гроша —
Поздней тоской справедливости
Зрелая дышит душа.

И оглянется над пропастью
В век, что кипит позади,
Чтоб не с величьем, а — с совестью
Сверить дыханье в груди.

ГРАЖДАНСКИЕ СТИХИ

Я готов понять, что политика — маета.
Я готов понять, что поэзия — красота.
Я и сам учусь плоды ее брать — с куста.
Я могу в стихах оживить — дыханье воды.
Я могу в строке повторить — разряды грозы.
Я могу сто раз описать — паденье звезды.
Я могу сто раз описать — паденье листа.
Но мне этого мало, и сытая жизнь — пуста,
Если не описать паденье — живой слезы...

* * *

Ах, поэтические страсти!
Все выбивается из сил,
Чтобы светить хоть малой частью
Средь поэтических светил.
А он, познавший быль и небыль
Стихов, отрезал, как убил:
«Я никогда поэтом не был.
Я только Родину любил».

* * *

Шумных птиц кружащаяся стая
Будит утром талые поля,
Где справляет черно-белый траур
Чуть живая русская земля.

Где еще трагичнее, чем прежде,
Смотрит жизнь во встречные глаза...
Дорожают — русские надежды!
Дешевеет — русская слеза!

ТАЙНЫЕ ИГЛЫ

*Но иглы тайные сурово
язвили славное чело...*

М.Ю. Лермонтов

Снова русским поэтам не спится!
То ли Мир, то ли сердце болит,
И судьба, как бездомная птица,
Не на счастье — на беды летит.

Когда всюду довольные лица
И как будто бы жизнь хороша,
Почему мне настойчиво снится —
Занесенная снегом душа.

И живу вроде жизнью простою,
Но все иглы опять на челе.
Будто все в мире беды — со мною,
И приюта мне нет на Земле.

«ПОЭТ»

Всю жизнь больше смерти боялся я этого слова!
Как тайный преступник боюсь его даже сейчас!
Боязнь совершенства томит меня снова и снова,
И жить не дает мне, и жизнь заслоняет — от глаз...

Но в редкие миги, когда обрываются путы,
Когда я срываюсь туда, где судьба и гроза,
Какая Поэзия, равная Богу — по сути,
Взрывает мне душу и вверх поднимает глаза!..